

Глава 3

Но в деревне избивание жены не считалось чем-то запретным. Заставить её работать больше? И подавно не проблема. Пока дело не доходило до крайностей, родня жены, как правило, не имела права вмешиваться — тем более в случае Мяо Ши, у которой не было даже собственного сына. Без мужского наследника даже её братья имели слишком мало веса, чтобы всерьёз заступаться за неё. Если бы Шэнь Чжигао на этот раз не зашёл так далеко, у них попросту не было бы законного повода прийти и поднять шум.

Но если существовал другой выход, то зачем их сестре и дальше терпеть такую жизнь? Даже если для деревенских мужчин было в порядке вещей бить жён, даже если большинство женщин молча принимали свою участь, разве это означало, что и их родная сестра должна страдать так же?

Гер Цин был трудолюбивым и почтительным. Он был куда способнее большинства мальчишек своего возраста. Если бы он с матерью начали жить отдельно, они могли бы арендовать хотя бы пару му земли и стать арендаторами — на жизнь этого хватило бы. Родня могла бы немного помочь, а в межсезонье они приводили бы младших мальчиков помочь геру Цину в расчистке новых участков. Прокормиться было бы вполне возможно. А если в будущем Мяо Ши сумела бы найти мужа, она, возможно, зажила бы куда лучше, чем когда-либо жила в семье Шэнь.

Чем больше братья Мяо об этом думали, тем сильнее воодушевлялись. О примирении они уже и не думали — более того, не видели ни малейшей причины щадить Шэнь Чжигао.

Их сестра прожила с этим ублюдком полжизни, а теперь он решил выставить её за дверь, лишь бы жениться на какой-то вдове, с которой давно шашни крутил? И хуже всего — он ещё и обрюхатил её? Это было уже не просто подло, это было позорно!

Первыми в драку кинулись Мяо Син и Мяо Ван. Остальные мужчины из деревни Шицю больше не могли сдерживаться и тут же присоединились. Единственным, кто не стал драться, был Мяо Туншэн. Он вцепился в старосту Чжао и, бормоча себе под нос, приговаривал: «Какой позор! Настоящий срам! Немного проучить — ладно, но нельзя же людей до смерти забивать!»

Семья Шэнь не могла просто стоять и смотреть, как избивают Шэнь Чжигао. Но мужчины из Шицю были все крепкие, в самом расцвете сил. Старик Шэнь и старая госпожа Шэнь были уже не в том возрасте, чтобы вмешиваться, а староста Чжао был вынужден выслушивать причитания Мяо Туншэна. Оставалось только вытолкнуть вперёд младшего брата Шэнь Чжигао, Шэнь Чживэя. Но и он не мог устоять против такой толпы. В считанные мгновения оба брата Шэнь были сбиты с ног и завыли от побоев.

Увидев, как её двух сыновей избивают с такой жестокостью, старая госпожа Шэнь тут же закричала, разрыдавшись и осыпая всех проклятиями, вцепившись в старосту Чжао.

«Убивают! Моих сыновей сейчас убьют! Староста, ты должен вступить за нашу семью! Это деревня Шицю пришла нас запугивать! Эта курица, что не несёт яиц, — да сделать её наложницей уже было милостью, кому она вообще нужна, если уйдёт от нас? А теперь она ещё и моего внука хочет забрать! Где же тут справедливость?!»

Но Мяо Ши было достаточно. Внутри у неё что-то оборвалось.

Она завывала ещё громче старой госпожи Шэнь, заходясь в истерических рыданиях: «Тьфу! Если вашему сыну хочется валяться в грязи с дешёвой вдовушкой — это его дело, только меня в это не втягивайте! Если вы не позволите геру Цину уйти со мной, мне незачем больше жить! Я

повешусь прямо здесь, у ворот! Повешусь и с балок буду смотреть, как ваша семья дальше будет жить!»

Годами она была покорной, безответной, той, кого легко растоптать. Но сейчас она плюнула старой госпоже Шэнь прямо в лицо, и та на миг лишилась дара речи.

А затем в воображении старухи вспыхнул образ Мяо Ши, висящей под балкой и уставившейся на неё мёртвым взглядом, — и лицо старой госпожи Шэнь мгновенно побледнело.

Шэнь Цин стоял за спиной матери, не отрывая взгляда от старой четы Шэнь. Голос его был спокойным, но каждое слово резало, словно нож: «Если с моей матерью что-нибудь случится, мне будет нечего терять. Говорят, можно быть вором тысячу дней, но нельзя тысячу дней сторожить от вора. Посмотрим, сумеют ли вдова Ли и ребёнок в её животе охранять себя вечно, а может, будет проще всем вместе положить этому конец. В любом случае я не позволю тому, кто причинит вред моей матери, остаться в живых».

«К-кто это вредит твоей матери?! — от его слов старая госпожа Шэнь так перепугалась, что начала заикаться. — Это она сама грозит умереть, кто ей вредит? И ты... ты осмелишься поднять руку на собственного отца и деда с бабкой?!»

«Думаете, не осмелюсь?» — Шэнь Цин выдернул топорик из столика, взвесил его в руке и мельком посмотрел на старую госпожу Шэнь. Та застыла, смертельно побледнев от ужаса. Лишь тогда он спокойно убрал лезвие обратно за пояс.

Староста Чжао, глядя на холодный блеск острейшего топорика и на жёстко сжатую челюсть Шэнь Цина, вдруг испытал глубокое облегчение оттого, что раньше говорил с ним мягко и по-доброму.

Он и прежде слышал сплетни о жестокости Шэнь Цина, но никогда не придавал им значения. Как староста, он не считал нужным вникать в дела молодёжи. Он всегда думал: ну насколько свирепым может быть гер? В худшем случае, драчливый, упрямый, не желающий уступать деревенским мальчишкам.

Но теперь, глядя на юношу с топориком в руке, он внезапно понял: он страшно его недооценил.

Сегодня он впервые увидел это собственными глазами: Шэнь Цин и впрямь был таким свирепым, как о нём говорили.

Даже у старосты Чжао Юдана по спине пробежал холодок, не говоря уже о семье Шэнь.

Как говорится, смелый боится безрассудного, а безрассудный — того, кому нечего терять. Если Шэнь Цину действительно стало всё равно на собственную жизнь, то тем, у кого было что терять, следовало быть осторожными. И главное — все понимали: Шэнь Цин не блефует. Если он сказал, значит, сделает.

В этот момент Шэнь Цину и правда было нечего терять, тогда как для Шэнь Чжигао нерождённый ребёнок в животе вдовы Ли был словно спасительной соломинкой. Видя, как оба их сына, избитые до полусмерти, воют на земле, старик Шэнь и старая госпожа Шэнь были вынуждены пойти на уступки.

«Останешься — по крайней мере, будет что поесть. Уйдёшь и сдохнешь с голоду — не смей потом приходиться к нашему порогу! Раз уж уходишь, так убирайся поскорее!»

Но не только семье Шэнь, даже старосте Чжао казалось, что такой исход был удачным.

В окрестных деревнях ещё никогда не забирали ребёнка у отца. Но Шэнь Цин не был наследником семьи. Он был всего лишь гером, да ещё и восемнадцатилетним, почти в брачном возрасте. По обычаю, как только женщина или гер вступали в брак, они больше не принадлежали своей родне, а становились частью семьи мужа. Раз Шэнь Цин всё равно рано или поздно уйдёт в чужой дом, какая разница — раньше или позже? В крайнем случае пострадает репутация. Но после того, что натворил Шэнь Чжигао, была ли у семьи Шэнь вообще какая-то репутация, которую стоило беречь?

Такое решение давало вдове Ли и её ребёнку законное место в доме и одновременно устраивало и Мяо Ши, и Шэнь Цина. Это был наилучший возможный выход — так из-за чего же семья Шэнь всё ещё поднимала такой шум?

Чего Чжао Юдан не знал, так это того, что старая госпожа Шэнь давно собиралась выжать из Шэнь Цина все силы, а затем продать его куда-нибудь в глухую горную деревню.

Наконец услышав согласие, Шэнь Цин почувствовал, как с его груди спал тяжёлый камень. Он окинул взглядом комнату: отец и дядя, с опухшими, изуродованными лицами, всё ещё сыпали проклятиями, а старая госпожа Шэнь смотрела на него с такой злобой, словно хотела вырвать у него кусок плоти.

В его сердце не осталось ни единой ниточки привязанности к дому, в котором он прожил почти девятнадцать лет.

Он помог Мяо Ши подняться, повернулся к старосте и дядям и сказал: «Мы уходим сейчас».

После такого скандала было разумнее покончить со всем, пока люди из деревни Шицю ещё были здесь. Мяо Син это понял и обратился к старосте: «Староста Чжао, давайте прямо сейчас составим разводную бумагу».

Как староста, Чжао Юдан всё же должен был сказать несколько слов, чтобы сгладить ситуацию. Он немного собрался с мыслями и заговорил: «Чжигао сделал свой выбор, и, если его жена останется, ей будет только тяжелее. Ваш гер почтителен и трудолюбив, у него непременно будет хорошее будущее. Возможно, так действительно лучше. Даже если наши семьи больше не будут связаны родством, незачем затаивать обиды и портить отношения между деревнями».

Последняя фраза была адресована братьям Мяо.

Мяо Син холодно фыркнул — было ясно, что он в это не верит. В его представлении, стоило ему ещё раз столкнуться с Шэнь Чжигао, как он без раздумий снова набросился бы на него с кулаками.

Староста Чжао сделал вид, что не заметил этого, окинул взглядом избитых братьев Шэнь и продолжил: «То, что сделал Шэнь Чжигао, — ужасно, но всё же подумайте о его положении: он уже не молод, а без наследника кто позаботится о нём в старости? Если бы Сяо Чжан был жив, до такого бы не дошло. Так вот, моё решение: семья Шэнь выплатит матери гера Цина компенсацию».

Услышав это, фулан Шэнь Чживэя, Чжао Ши, тут же запаниковал.

Развод и изгнание жены — совсем не одно и то же. Если жену выгнали, это означало, что вина

лежит на ней, и уйти она могла лишь с тем приданым, с которым пришла. Но если речь шла о разводе, да ещё и по вине мужа, тогда жена имела право на часть семейного имущества. А теперь староста ещё и говорил о дополнительной компенсации?

«Наших мужчин избили, гера Цина у нас отобрали, а теперь мы ещё и платить должны?! Она и так уходит с ребёнком нашей семьи — разве этого мало? Староста, нельзя же так! Вы защищаете чужаков, а не своих!»

Лицо старосты Чжао потемнело, и он возразил: «С каких это пор фулан перебивает, когда я говорю? И кто здесь чужак? Мяо Ши и гер Цин будут и дальше жить в этой деревне — они часть деревни Ланьтан!»

Чжао Ши не осмелился спорить дальше, но пробормотал себе под нос: «И с чего это гер Цин вообще имеет право говорить...»

Староста метнул на него резкий взгляд, и тот тут же юркнул за спину Шэнь Чживэя, не решаясь больше открывать рот. Однако недовольство его не прошло — он ущипнул Шэнь Чживэя за руку, подавая знак заговорить.

Но Шэнь Чживэй либо не обратил на это внимания, либо был слишком оглушён побоями, чтобы вступать в спор. Он лишь молча опустил голову.

Старая госпожа Шэнь тоже была крайне недовольна тем, что придётся платить компенсацию. Она уже раскрыла рот, чтобы возразить, но староста Чжао тут же её опередил: «А может, вам тогда и внук ваш не нужен? Мяо Туншэн может пойти и донести в уездное управление — там и вдову, и вашего сына утопят в пруду, и на этом всё закончится!»

Старая госпожа Шэнь ещё ничего не успела сказать, как Шэнь Чжигао запаниковал: «Мать, послушай старосту! Ребёнка Цзяофэн нельзя трогать!»

Чжао Ши кипел от злости, и его неприязнь к Шэнь Чжигао лишь усилилась. Их семья и без того жила небогато, а теперь шурин втягивал их в ещё большие неприятности, тратя общее хозяйство на новую жену.

Даже старая госпожа Шэнь бросила на сына сердитый взгляд. Но в конце концов он всё равно оставался её любимцем, да и мысли её были о нерождённом внуке. Потому она лишь холодно фыркнула и больше ничего не сказала.

Старик Шэнь поднял с пола выпавшую трубку, постучал ею о стол и тяжело вздохнул: «Делайте, как говорит староста».

Он уже ясно видел, как обстоят дела. Братья Мяо пришли не одни, а с целой ватагой из деревни Шицю, поэтому сегодня отвертеться было невозможно. Если они заупрямятся, двух его сыновей просто избьют ещё сильнее.

А гер Цин — неблагодарный щенок, осмелившийся вытащить оружие перед собственным отцом. Но как ни крути, именно Шэнь Чжигао допустил ошибку. Компенсации было не избежать.

Когда глава семьи принял решение, никто больше не посмел возражать.

Староста Чжао тихо выдохнул с облегчением. После целого утра хаоса этот позорный инцидент наконец подходил к концу. Оставалось лишь уладить последние формальности.

Он достал кисть и тушь. Староста надиктовывал текст разводных бумаг, а Мяо Туншэн записывал его более изящным слогом, одновременно выступая свидетелем. В документах оговаривались не только условия развода, но и раздел имущества, а также положение ребёнка.

Причины развода были слегка подправлены, чтобы выглядело более пристойно. Упоминались опасения по поводу бесплодия Шэнь Чжигао, но история с вдовой Ли не затрагивалась. Что касается Шэнь Цина, официальную причину записали по его собственным словам: он уже исполнил свой долг перед отцом и отныне будет исполнять долг перед матерью.

Однако когда дело дошло до раздела имущества, споры вспыхнули вновь.

В конце концов, после долгих препирательств, Мяо Ши выделили один лян серебра — половину в счёт утраченного приданого, половину как дополнительную компенсацию. Семья Шэнь также должна была выдать ей запас зерна на один год, позволить забрать собственную одежду и постельные принадлежности и даже выделить пару комплектов посуды.

Мяо Ши и Шэнь Цин оставались в деревне Ланьтан, при этом Мяо Ши официально регистрировалась как глава отдельного хозяйства. Временно они должны были жить в старом пустующем доме у подножия горы, который семья Шэнь обязалась арендовать для них на год.

Все эти условия были внесены в разводные документы. Когда всё было согласовано, Мяо Ши и Шэнь Чжигао приложили к бумагам свои отпечатки пальцев, а Чжао Юдан и Мяо Туншэн поставили подписи и печати в качестве свидетелей.

Разводные бумаги составили в четырёх экземплярах: один остался у Чжао Юдана, один — у Мяо Туншэна, а два остальных получили Мяо Ши и Шэнь Чжигао. С документами на руках говорить было больше не о чем. Почти двадцать лет, прожитых в браке, завершились столь неприглядным образом.

После этого настал черёд официально разорвать связь между Шэнь Цином и Шэнь Чжигао. Староста Чжао повернулся к Шэнь Цину и сказал: «Как-никак он твой родной отец. Поклонись ему — это будет твоим последним проявлением сыновней почтительности».

Шэнь Цин поднял глаза и посмотрел на Шэнь Чжигао с распухшим, избитым лицом. Жёсткое, суровое выражение, которое он носил всё это время, едва заметно смягчилось.

<http://bllate.org/book/14994/1327089>